

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

ОТЦЫ

**Мамин-Сибиряк Дмитрий
Наркисович
Отцы**

Д. Мамин-Сибиряк
Отцы
Очерк

I

Михеич усердно чистил бронзовые скобки тяжелой дубовой двери Крутоярского торгового банка и рассуждал вслух:

- Павел-то Митрич придет, так все узорит... Он, брат, на два аршина под землей видит! Каждое пятнышко... только взглянул, и готово. Хе-хе... Орелко!..

На городской каланче пробило девять, а банк открывался только в десять. Значит, оставался еще целый час, и Михеич "наводил чистоту". Двухэтажное каменное здание банка стояло на высоком берегу большеводной реки Крутояра, и с подъезда открывался великолепный вид и на реку, и на пароходные пристани внизу, и на обывательскую стройку, ломаной линией спускавшуюся по откосу к пристаням. Устав тереть суконкой, Михеич делал передышку и некоторое время любовался рекой. Давно ли тут вон пустой берег был, - так, барки приставали да плоты, - а теперь и пароходные пристани, и каменные то-

варные склады, и мелкие лавчонки с разной дрянью. И не узнаешь Крутоярска... Людей тоже умножилось. А какие дома везде понастроены! Супротив прежнего-то дворцы дворцами. Да, в гору пошел Крутоярск. Взять хоть банк: прежде-то в тряпочке деньги старики держали, а то и прямо в землю закапывали, нынче, шалишь, все узнали вкус, как с деньгами обращаться.

- И народ особенный пошел... - думал вслух Михеич, опять принимаясь за свою суконку. - Все на тонком обороте. Всякий норовит живым мясом вырвать из тебя... А не зевай! Не будь дураком... Нет, брат, не прежнее время, чтобы разиня рот сидеть. Умный-то человек горошком катится...

К подъезду банка тихо подъехал старинный тяжелый экипаж, из которого не торопясь вышел седой, степенный старик. Михеич вытянулся в струнку и отрапортовал:

- Раненько изволили пожаловать, Савелий Федорович... Еще половина десятого, а наш банк начинает в десять. У нас порядок - первое дело...

- Знаю, знаю... Ничего, подожду. Время тер-

пит... - Старик с трудом поднялся на крыльцо, остановился, вытер лицо красным бумажным платком и сказал кучеру, чтобы ехал домой.

- Жарко, Савелий Федорович... - залебезил Михеич. - То-то хлеба теперь наливаются после дождей. Да вы пожалуйста наверх, Савелии Федорович. Там попрохладней будет...

- Ничего, я и здесь посижу...

После некоторого раздумья старик спросил каким-то подавленным голосом:

- А Павел Митрич сегодня будет?

- Должны быть-с...

- Так, так... Вот я два раза был и не могу дождаться.

- У них делов весьма даже много. Везде не успеют - и в суде, и в банке.

- И ведь я тоже по делу, Михеич. В третий раз приехал...

- Уж это что говорить, Савелий Федорович. Конечно, не зря пойдете и себя будете тревожить... Да вы пожалуйста ко мне в каморку, чем тут на крылечке торчат. Еще увидят и скажут: вот Савелий Федорыч в банк приехал. Известно, зачем к нам купцы-то наезжают. Мораль пойдет. А касаясь моей каморки не

сумлевайтесь - самые первые купцы сиживали. И так же, вот как вы сейчас, Пал Митрича дожидали... Тихон Сергееич, Афанасий Ефимыч - первеющие люди, а не брезговали.

- И Тихон Сергееич? - с тяжелым вздохом повторил старик и покорно поплелся за Михеичем в его швейцарскую.

Швейцарская, как все в банке, была устроена "на чистоту" - светлая, высокая комната, выходявшая одним окном на реку. Михеич хотя и жил бобылем, но содержал все в порядке. А вдруг Пал Митрич заглянет? Ведь у него никто не был на уме... Савелий Федорович перекрестился на образок и тяжело опустился на поданный Михеичем стул. Да, привел Бог и в швейцарской посидеть...

- Я вам так скажу, Савелий Федорыч, - болтал Михеич, останавливаясь в почтительной позе, - конечно, вы купец первой гильдии, и конечно, у вас старинное, родовое дело, а все-таки, по-моему, по-глупому, этот наш банк, пряменько сказать, в том роде как мышеловка... Ведь я все вижу, да. Сперва-то купечество как будто и чуралось его, а потом и пошли. Дверь не затворяется - вот какое дело... Из ку-

печества только и остались нетронутыми вы да еще старик Горяев, потому при своих капиталах - наплевать вам на наш банк.

- Не плюй в колодезь, Михеич. Вот и я приехал... да.

- Что же, дело известное. Худого ничего нет... Банк-то вон по шестидесяти восьми целковых на акцию дивиденту выдавал за прошлый год. Легко это сказать?.. Не пито, не едено - на, получай. Вот это какое дело... Прежде-то и не слыхивали, как деньги родят деньги, а по нынешнему времени в лучшем виде. Вон наш булгактер идет, Софрон Карпыч.

Михеич точно вынырнул из своей швейцарской, чтобы принять пальто, и сейчас же вернулся.

- Повалили служащие, - заметил он. - Эти, которые помельче, вперед бредут, ну, а члены да управляющий попозже... Тоже соблюдают честь честью, чтобы как на настоящей службе. Я отворю оконце-то, Савелий Федорыч... Ох, и погодку Господь послал: отдохнут крестьяны-то. Прошлый-то год долго поминать будут. Наголодались досыта, скотинушку которую пораспродали, которую прикололи, а

теперь справляйся, как знаешь.

Старик сидел, опустив голову, и думал какую-то горькую стариковскую думу. Потом он поднял голову и проговорил:

- Вот ты болтаешь, Михеич, а я тебя даже совсем не понимаю...

- Чего же тут не понимать: урожай хороший будет, говорю.

- По-прежнему-то оно так и было: урожай так урожай и есть, - заговорил старик, точно вспомнив что-то. - Да... Урожай, и всем хорошо: и мужику, и купцу, и чиновнику. Мужик ситцы покупал, чиновник дешевый хлеб ел, у купца торговля втрое - вот что такое урожай по-прежнему-то. Все сыты и довольны. А понынешнему-то что-то совсем не так выходит: мужик жалуется, что хлеб за грош продает, у купца товар с рук нейдет - все плачутся. Вот тут и разбери... Вон в прошлый-то год как ахнул тот же ваш банк: кому слезы, а он радуется. Не один миллион нажали прямо на голоде...

- Уж это што говорить... Павел-то Митрич еще и не это устроит. Он все обмозговал... Он уж все вперед знает, как и што. Сделай ми-

лость, братец ты мой, комар носу не подточит.

- Да, ловко приспособили голод-то...

Михеич огляделся и заговорил каким-то змеиным сипом:

- Иван-то Андреевич, председатель нашего правления, Савелий Федорыч, ведь совсем в худых душах состоял... На ниточке висел и в яму бы свалился, кабы не Павел Митрич. Он его додержал до голоду, а тут и дал вздохнуть: дыши да с умом. Ну, Иван-то Андреич и дыханул - и долги уплатил, и на текущий счет тыщ триста отложил. Вот оно какое дело-то... В одно лето обернулся и опять стал человеком.

- Слышал, Михеич... И опять не понимаю: прежде человек знал, кто его зорит и в яму толкает, а нынче шито-крыто. Все такие обходительные, ласковые, жалеют, а, глядишь, человек и разорился... Большое малодушие идет по нашему купечеству. Все ничего не понимают, даже того, есть у него деньги или нет их... Какие столбы свалились! Прежде-то другой с десятью тысячами оборачивался, а нынче подавай сотни. Впрочем, что я с тобою толкую - разве ты можешь понимать это самое дело,

Михеич?

- Я-то? А даже совсем наоборот - вот как тонко понимаю... Еще бы мне-то не знать: мимо меня ни одна живая душа не пройдет. Другой форц на себя напустит, бороду этак весело разглаживает, а я-то ведь вижу, што у него кошки на душе скребут...

- Видишь?..

- А то как же? И даже весьма вижу... Каждый думает, што он один такой-то, а промежду прочим все на одну колодку, особливо когда нужда-то прижмет. В другой раз даже пожалеешь такого форсуна, как он выйдет из кабинета самого-то Пал Митрича, - идет и ничего не видит, точно его обухом по голове ударили. А ведь все честно, благородно - ни крику, ни ругани... Павел-то Митрич другого такого горюна и до передней проводит, и ручку пожмет, и чаю напиться к себе пригласит. А вы говорите: не понимаю... Ах, батюшки, Иван Андреич подкатили!.. Вон у них какой рысачок - пятьсот рубликов дадено.

- Вот что, Михеич, уж я лучше у тебя здесь посижу, пока Павел Митрич подъедет, а де-лать мне в вашем правлении нечего.

- И то посидите, Савелий Федорыч. Ужо я чайку принесу... - Про себя Михеич от души пожалел старика, - крепкий был купец, большими тысячами ворочал, а вот нужда загнала в банк. Сюда-то только один раз прийти... Эх, плохи, видно, у Савелия Федорыча делишки, коли он принес на поклон Пал Митричу свою седую голову! Устигли и его, сколько ни крепился старик.

А Савелий Федорыч сидел в швейцарской и наблюдал, как "начинается банк". Мимо окна по тротуару шли служащие, артельщики, посыльные, подъехали два члена правления, один член учетного комитета - все знакомые люди, которых он знал в лицо. Сами по себе и люди хорошие, честным трудом зарабатывавшие себе кусок хлеба, только работа какая-то мудреная: сидит человек, считает, записывает в десять книг, а в результате - несколько новых разорений. И никто не виноват... Труднобольной, ожидающий в приемной доктора в первый раз, испытывает, вероятно, то же самое, что испытывал сейчас Савелий Федорыч. И страшно ему было, и как-то стыдно, и обидно...

Где-то хлопали двери, отворялись шкафы, слышались быстрые шаги торопившихся людей, - машина запускалась полным ходом. К банку начали подъезжать клиенты: приказчики с чеками, мелкие прасолы, какие-то старушки-чиновницы, молодой адвокат, соборный дьякон, богатый мужичок, подрядчик - набиралась та пестрая публика, которая ежедневно проходила мимо Михеича, внося с собой самую едкую заботу о деньгах, взысканиях, предъявлении, отсрочке, погашении, обмене.

Настоящий кондовый купец показался попозже, сохраняя за собой известную солидность. Пусть торопится разная мелкота, которая привыкла рожь на обухе золотить. И тут сказывалась известная рознь, как при веянии зерна - мякина и летела легче. Краснорядцы, модные галантерейщики, бакалея... Эти выбились в люди из приказчиков, мелкой сошки и вели дело втемную, больше в кредит. Солидное купечество, занимавшееся хлебом, овсом, салом и оптовой торговлей, никогда не смешивалось с этими новоиспеченными коммерсантами. Эта разница чувствовалась и здесь.

- Что же Павел-то Митричи? - с тоской спрашивал старик метавшегося Михеича. - Вот уже близко к одиннадцати...

- Будут-с скоро... Проснулись и изволят ка-кау кушать. К ним уж подсылали... Приказчик от Тихона Сергеича уже два раза на извознике гонял и через камардина вызнал все: встали и кушают. Должно так полагать, Тихону Сергеичу зарез, потому как ихний адвокат тоже засылку делал через своего писаря... От Афонасия Ефимыча тоже справлялись касает-мо Павла Митрича. Все ведь ходят за ним, как за кладом... Тоже какой ногой встанет. А видели, Савелий Федорыч, старика Кондратия Гаврилыча, у которого раструсочная мельница, - испекся бедняга. Приходил тоже... Стень стенью, а тоже в банк бредет.

Простой член правления крутоярского торгового банка, частный поверенный Павел Дмитрич, являлся страшной силой, как маховое колесо, приводившее в движение всю машину. От него зависело все. Директор банка и председатель правления являлись только декорацией, а все дела вершились Павлом Дмитричем. Он знал все купеческие дела не

только в Крутоярске, а и далеко дальше, поскольку они были связаны с этим крупным хлебным центром, державшим в своих руках громадную хлебную площадь и кровные интересы самых солидных и старинных фирм вроде Савелия Федорыча. Значение Павла Дмитрича достигло своего апогея благодаря охватившему край голоду. Купечество среднего разбора разорялось наповал, и от Павла Дмитрича зависела жизнь и смерть: один протестованный вексель убивал навсегда торговое имя, отказ в учете делал фирму несостоятельной и т. д. Благодаря банку создавалась самая убийственная конкуренция - пользовавшиеся неограниченным кредитом ставили цену, устраняя соперников, и овладевали рынком. Борьба на этой почве среднему купечеству не было никакой возможности, и оно запутывалось все больше.

Старик Савелий Федорыч, один из крупных хлеботорговцев, долго выносил эту систему благодаря своему капиталу и широкому доверию, каким пользовался в коммерческом мире; но голодный год убил его, - некому было доверять, а свои средства были заложены в

долгосрочное дело. Чтобы продолжить работу, нужно было иметь живой капитал, и вот седой старик сидел в швейцарской, терпеливо ожидая, когда появится всемогущий Павел Митрич, от которого зависело, открыть ему кредит или не открыть.

Это был первый опыт и опыт тяжелый, тем более, что дела Савелия Федорыча были расстроены тем же банком, создавшим сильных конкурентов, работавших на чужие капиталы.

II

Деловое банковское утро началось. Целый рой служащих разместился за своими конторками и письменными столами. От публики эти служилые люди были отделены металлической решеткой, натянутой между дубовыми столбиками. Отдельное помещение занимали кассир и артельщик, выдававший деньги. Кабинеты директора, членов правления и учетного комитета помещались в отдельных комнатах. В приотворенную дверь виден был только директорский кабинет с громадным зеленым столом, за которым неподвижно сидела, точно замороженная, фигура самого ди-

ректора Карла Францовича, аккуратного и степенного остзейского немца. Он обладал способностью высиживать совершенно неподвижно целые часы. Присутствие жизни в этом банковском автомате выразалось только в движении руки, подписывавшей бесконечные бумаги, да в конвульсивном вздрагивании левого глаза, - у Карла Францовича был тик. Принимал посетителей Карл Францович с леденящей торжественностью, говорил каким-то глухим, покойницким голосом и только в редких случаях удостаивал взглядом того, с кем разговаривал. Это была сама судьба, безжалостная, неумолимая и строгая, как и следует быть судьбе. Неопытные люди со страхом вступали в директорский кабинет, ожидая здесь решения своей участи, а опытные знали, что Карл Францович служил только для выставки, вроде тех деревянных манекенов, каких выставляют в окнах модных магазинов, и что судьба зависит совсем не от него. Грозы и несчастья вылетали из маленькой дубовой двери, которая вела в комнату банковского совета, где восседал сам Павел Дмитрич, вершивший за своим письменным

столом экономические вопросы громадного края.

Итак, Карл Францович сидел за своим столом, утонув в громадном вычурном кресле. Правая рука двигалась по разным бумагам, которые подсовывал секретарь. Левая директорская щека вздрагивала от тика.

- Бюллетень получен? - коротко спрашивал Карл Францович. Он всегда только спрашивал и не любил отвечать.

Секретарь молча подал длинный лист с торговыми ценами, курсом на бумаги и коммерческими телеграммами. Карл Францович быстро пробежал этот бюллетень глазами и только поморщился. Секретарь угнетенно вздохнул, - этот господин вообще имел какой-то угнетенный, вечнообиженный вид. Есть такие люди, которые могут привести в отчаяние даже собственные карманные часы.

Эта немая сцена была прервана появлением Ивана Андреича, типичного белобрысого купчика с припухшими красными веками, вихрастой шевелюрой и манерами приказчика из плохого магазина. Он вечно куда-то торопился, играл толстой золотой цепочкой и

неожиданно раскатывался неудержимым смехом. В председатели правления банка он попал за родительские капиталы.

- Карлу Францовичу сорок одно с кисточкой, - фамильярно заговорил он, ухватив директорскую руку вместе с пером. - Ну, чем обрадуете, шпрехен зи дейч? Директорские глаза указали на бюллетень. Иван Андреич прочитал его и встряхнул головой.

- Что же, в прошлом году мы дали по шестидесяти восьми рублей на акцию, а нынче дадим шесть...

- А вы думает, что это будет приятно господам акционерам?

- Ну, это уж пусть Павел Дмитрич разбирается. - Секретарь наклонился к уху Ивана Андреича и долго что-то шептал.

- Ага... ну, что же, пусть подождет, если это ему нравится, - ответил Иван Андреич.

- Неудобно, Иван Андреич... Почтенный старик и сидит в швейцарской. Он уж в третий раз приезжает...

- Что же мы можем сделать, голубчик? Силой мы не можем затащить его сюда...

Когда секретарь вышел своей неслышной

секретарской походкой, Иван Андреич захохотал и проговорил:

- Знаете, кто сидит у швейцара? Старик Копылов... Вот чудак-то. Долго крепился и все не хотел идти в банк, а вот и пришлось.

- А что ему нужно?

- Известно, что... Павла Дмитрича ждет. Да, это последний столб повалился...

Банковская работа шла полным ходом. Целый ряд согнутых над гроссбухами спин, шелест бумаги, скрип перьев, торопливые шаги, напряженные лица одним словом, настоящая фабрика, на которой приготавливались несостоятельности, банкротства и вообще все то, что известно под именем банковских операций. Есть своего рода банковское любопытство, и все эти шестерни, колесики и валики уже знали, что старик Копылов сидит в швейцарской и ждет Павла Дмитрича, что он уже приехал в третий раз, знали и зачем приехал. По банковским гроссбухам можно было проследить шаг за шагом всю историю последовательного разорения мелкого и среднего купечества и ту роковую очередь, в которой шли крахи - сейчас очередь была за Копыловым.

Банковская челядь знала вперед, что он рано или поздно должен был постучаться в гостеприимную банковскую дверь. И он пришел... Все знали и то, что Павел Дмитрия нарочно не приехал два раза, чтобы выдержать старика. Ничего, подождет... Все знали, что сегодня Павел Дмитрич приедет и примет его. Не один Копылов шел по этому тернистому пути...

- Едет... едет... - пронесся шепот, и спины согнулись еще ниже над грессбухами, а косяшки счетов выделявали какую-то лихорадочную дрожь, точно чавкала какая-то деревянная челюсть с деревянными зубами.

Павел Дмитрич, среднего роста плечистый мужчина с крупной угловатой головой, вошел в зал под руку со стариком Копыловым, - это была его привычка брать под руку банковских клиентов. Когда они проходили мимо решетки, служащие почтительно кланялись, а Павел Дмитрич отвечал легкими кивками. У него было самое простое, широкое, бородастое русское лицо с мягким носом и быстрыми неопределенного цвета глазами. Широкий рот открывал два ряда крепких мелких

зубов. Одевался он с изысканной небрежностью и не носил ни одной погремушки, и вместо "толстой золотой банкирской цепи" часы были привязаны на черной шелковой ленте. Вообще, Павел Дмитрич разыгрывал банковского джентльмена новой формации.

- Очень, очень рад вас видеть, дорогой Савелий Федорыч, - повторял Павел Дмитрич, уступая место в дверях директорского кабинета старику. - Вот посмотрите, как мы тут живем и как работаем... Банк скоро отпразднует свое первое десятилетие. Да... мы пережили самое трудное время, пока заручились доверием публики.

Говорил Павел Дмитрич плавно и убедительно, втягивая в себя воздух. Савелий Федорыч смущенно смотрел кругом и не знал, что ему отвечать.

- Очень рад... - проговорил Карл Францович, здороваясь с дорогим гостем.

- Милости просим, Савелий Федорыч, - торопливо бормотал Иван Андреич, торопливо суя свою руку, точно он ее прятал, и прибавил ни к селу, ни к городу: - Жарынь...

Павел Дмитрич строго посмотрел на бан-

ковского савраса и поморщился, что заставило Ивана Андреича виновато съежиться.

"Вот они, наши отцы..." - думал Савелий Федорыч, наблюдая банковскую тройцу.

- Идемте ко мне, - предложил Павел Дмитрич, отворяя сам дверь в советскую комнату.

Старик только вздохнул. Он предчувствовал что-то дурное, но не знал только одного, именно, что его дело было уже обсуждено и решено раньше, прежде чем он взялся за ручку банковской двери. У Павла Дмитрича была целая система давить независевших от банка старинных коммерсантов.

Весь банк замер в ожидании, как выйдет старик Копылов из совета. Все знали и то, что его участь решена и что сейчас проделывается только одна комедия. В свое время придет и старик Гаряев и тоже не минует рук Павла Дмитрича.

Больше всех волновался внизу Михеич. Он жалел почтенного старика, попавшего в лапы банковских отцов. Михеич несколько раз выглядывал в коридор.

- Долгонько держат... - размышлял швейцар, заглядывая на часы.

Наконец, показался и Савелий Федорыч. Он шел бодро, но не видел ничего перед собой. За ним бежал секретарь.

- Савелий Федорыч, картуз забыли...

- Ах, да!.. Спасибо.

В передней старик пошатнулся и, вероятно, упал бы, если бы Михеич его не поддержал. Он выпил стакан воды и пришел в себя.

- Голову обнесло? - участливо спрашивал Михеич. - Это от жару-с...

Старик ничего не слышал, поглощенный одной мыслью. Да, теперь он разорен, разорен на старости лет, когда банковским отцам стоило сказать одно слово... Но разорения мало, а нужно было еще его унижение. Он умолял, просил, чуть не плакал...

Выйдя на подъезд, старик обернулся и проговорил:

- Будь вы прокляты, банковские разбойники!..